

Е. А. Блохина

Окказиональное искусство в морфологии русской художественной культуры XVIII века

В предложенной статье предлагается выделять в морфологии художественной культуры России XVIII в. окказиональное искусство как важнейшую разновидность художественного творчества. Для российской художественной культуры XVIII в. в целом характерно доминирование внеэстетических задач искусства, универсальность навыков и функций мастеров, а также включенность художественного творчества в политическую репрезентацию. Все это позволяет выдвинуть окказиональное искусство на роль особой разновидности художественного творчества, а соотношение окказионального искусства и произведений, создаваемых на века, рассматривать как одну из специфических характеристик исторической эпохи. Произведения окказионального искусства XVIII в. отличала кратковременность, даже однократность существования и впечатления, нередко непрочные материалы, не рассчитанные на сколько-нибудь долговременное существование, при этом осуществлялись серьезные затраты сил и ресурсов. Окказиональное искусство создавалось в форматах разных видов искусства – не только литературы, архитектуры, живописи, но и фейерверка, праздника, которые не принято включать в классификации видов и жанров искусства.

Ключевые слова: морфология, художественная культура XVIII в., внеэстетические функции искусства, политики репрезентаций, окказиональное искусство.

Е. А. Blokhina

Occasional Art in Morphology of the Russian Artistic Culture in the 18th century

In the morphology of the Russian artistic culture in the 18th century we can distinguish occasional art as the most important kind of artistic creativity. The Russian artistic culture of the 18th century is characterized by the dominance of the unaesthetic art function, the versatility of the skills and functions of art masters and also the involvement of artistic creativity in political ideology. All these demonstrate the special role of the occasional art as varieties of artistic creativity. The interaction between occasional art and artistic works is regarded as one of the specific characteristic of the historical era. The artwork of occasional art was created for one-time use and quick impression. They consisted from unreliable materials and were not designed for long-term use but the cost of invested energy and resources was very high. Occasional art includes several types: poetry, architecture and painting. It also includes fireworks and celebrations, which are not included into the academic classification of art types and genres.

Keywords: morphology, artistic cultures of the 18th century, unaesthetic function of art, policies of representations, occasional art.

С точки зрения системного подхода к целостности культуры М. С. Каган предлагал выделять в ней три подсистемы – материальную, духовную и художественную. Под художественной культурой (или подсистемой культуры) он понимал «совокупность функционирования и развития всех областей искусства» [5, с. 244]. Морфология художественной культуры, по мысли М. С. Кагана и многих его учеников и последователей, раскрывается в модели жанрово-видовой структуры искусства. При этом какие бы оговорки по поводу историчности жанров и видов искусства мы ни делали, привычка применять к любому историческому периоду академическую классификацию видов и жанров является очень устойчивой. В самом общем виде, с опорой на ключевые понятия классической философии, эта классификация включает пространственные, временные и пространственно-временные виды искусства. Такая морфология художественной культуры закреплена структурой

общих трудов по истории искусства и самих институций по его изучению и художественному образованию. Однако попробуем взглянуть на структуру искусства иначе, исходя из исторической специфики интересующего нас XVIII в.

Это был особый период для России, когда за короткий в историческом смысле срок при мощном влиянии европейской культуры не только происходит усвоение привычной сегодня жанрово-видовой структуры искусства, но само соотношение разных искусств выглядит по-особому. Важной чертой морфологии художественной культуры XVIII в. становится высокая роль окказионального искусства. Целостное же описание художественной культуры может быть построено как соотношение окказиональных художественных событий и произведений, создаваемых на века. Очевидно, что вес окказионального искусства в культуре XVIII столетия, его роль в усвоении нового европейского художественного языка не-

роятно велики. Соотношение это со временем меняется, и важнейшие художественные задачи перемещаются в сферу творчества для вечности, окказиональное же становится синонимом сервильности и невзыскательного художественного вкуса.

Прежде всего, заметим, что понимание искусства как самостоятельной, автономной и, главное, высокой сферы деятельности в России XVIII в. только формировалось. Зачастую мастер воспринимался обществом как ремесленник или даже «поденщик». Он не обладал правом высказывать свою индивидуальную позицию, в первой половине столетия практически не ставил своей личной подписи на холсте, а его услуги двором оценивались «не выше, чем работа придворного сапожника» [4, с. 36]. Наряду с этим, распространенным явлением XVIII в. становится феномен профессиональной универсальности и коллективный художественный труд. Ценилось многообразие художественных навыков, мультипрофессионализм, и «единственно важное значение имела не специализация <...>, а степень их (мастеров) профессиональной подготовленности для осуществления иных задач» [3, с. 44]. Именно разносторонность навыков и умение решать прикладные задачи являлись важными требованиями в осуществлении замыслов Петра I.

Другой причиной было доминирование внеэстетических задач искусства по отношению к эстетическим. Искусство становится частью масштабной программы реформ. Оно регламентируется государством, теснейшим образом связано с императорским двором, придворной и аристократической культурой. Власть активно использует художественный язык в целях политической презентации, а различные виды и жанры художественных произведений воплощают политические послания и становятся частью политического спектакля или органично вписываются в придворный сценарий. Кроме того, искусство на европейский манер должно было формировать среду новых социальных навыков. Как отмечал Ю. М. Лотман, «там (в Европе. – Е. А.) быт генерировал текст», «здесь (в России. – Е. А.) текст должен был генерировать быт» [6, с. 97–98].

Художественная практика XVIII столетия, по словам Н. В. Сиповской, «отнюдь не отменяя академическую иерархию видов искусства и их жанров, отдавала явное первенство декоративным и окказиональным искусствам» [12, с. 14]. Термин «оказия» (occasion) с латинского буквально переводится как «случай». Английское прилагательное

«occasional» означает «случающийся время от времени, иногда, случайный, приуроченный к определенному событию» [9, с. 495]. В рамках языкознания «окказиональное» понимается как слово или значение, не соответствующее общепринятому употреблению. Факт создания/употребления окказионального слова, как отмечал А. Г. Лыков, «регламентирован конкретной ситуацией <...>, а каждый конкретный акт его употребления является единственным случаем его речевой реализации» [7, с. 9]. Очевидно, что окказиональное искусство – это произведение или ансамбль произведений, созданных для конкретного события, чаще праздника или публичного мероприятия.

Окказиональность характеризуется невоспроизводимостью, поскольку создается всякий раз заново, при этом затраты сил и ресурсов требуются весьма серьезные. К примеру, празднование придворной карусели, которая была затеяна Екатериной II в третий год ее правления, нашло отражение в различных произведениях, часть которых не пережила праздника, часть же сохранилась до наших дней. Так, известному итальянскому архитектору Антонио Ринальди было поручено возвести на Дворцовой площади напротив Зимнего дворца временный деревянный амфитеатр с галереями и ложами на сто тысяч зрителей, окружавший карусельную арену. Все расходы оплачивало придворное ведомство. Это постройка имела временное и утилитарное предназначение и была разобрана после представления.

Иной особенностью окказионального искусства была одноразовость. Ярче всего это проявляется в устройстве «огненных потех и великих освещений», и если иллюминации иногда сохранялись на несколько дней, то фейерверки продолжались не более трех-четырёх часов. Это искусство, как заметил А. М. Панченко, было «рассчитано на короткую жизнь» [10, с. 71–72]. Оно создавало «прекраснейший эффект», ослепляя и поражая зрителя своей красотой и затейливостью. Но эфемерность фейерверков состояла в том, что мгновенная вспышка тут же гасла, а после завершения действия «глазам представилось одно безобразное пожарище» [1, с. 141]. Однако, при всей своей краткосрочности, «огненные потехи» транслировали важнейшие государственные послания и показывали, что власть императора способна «соперничать с божеством в «секуляризации небес» [14, с. 36]. Идея того, что русский царь обязан своей власти не традиции наследования, а личному подвигу, составляла основу сюжета фей-

ерверочного зрелища, поскольку главной темой было прославление воинских подвигов и успешных военных побед.

Многие события сопровождала пушечная пальба, которая была, как и фейерверки, адресована не только чествуемому, но и Богу. Пушечные залпы обладали сильным звуковым эффектом и расширяли пространство чествования, вовлекая зрителей, находящихся далеко от места действия.

Главной формой окказионального искусства был праздник, объединявший различные формы художественного творчества. Так, потемкинские празднества в Таврическом дворце 28 апреля 1791 г. совмещали театр, танец, музыку, костюм, зеленую архитектуру, фейерверк и кулинарное искусство. Под звуки труб и крики «ура» императрицу приветствовала толпа подданных, поскольку, как подчеркивал Г. Р. Державин, «самая лучшая похвала доброму государю – радостный крик его народа» [2, с. 392]. Немаловажное значение отводилось и декоративному оформлению. Декорации из пальм, цветов, экзотических растений и фруктов воплотили идею создания «греческого» оазиса в холодном весеннем Петербурге. На подготовку и проведение праздника, «небывалое до сего дня», было потрачено 850 тысяч рублей – огромные по тем временам деньги, при этом единжды услышанное и увиденное торжество не могло повториться.

В качестве яркого примера окказиональной архитектуры можно вспомнить строительство Ледяного дома зимой 1739/1740 гг. Возведение «прозрачной» конструкции стало частью торжественного спектакля по случаю завершения войны с Османской портой. Весь дом, состоявший из трех помещений, а также убранство и вся находившая в нем утварь были полностью изготовлены из льда. Возведение Ледяного дома стало кульминацией маскарадного шествия, перед которым было разыграно этнографическое зрелище. Однако для своего времени это была не только «дорогая безделушка», но и «ученая забава, научный эксперимент». Строительство Ледяного дома было частью экспериментальной науки Нового времени, которой увлекалась Анна Иоанновна и занималась Академия наук. На опыты со льдом и водой были потрачены огромные деньги и привлечены многочисленные человеческие ресурсы, но уже к концу марта ледяная потеха была разобрана, а лед отправили в дворцовые погреба [8, с. 356–378].

Другим примером окказиональной архитектуры служат триумфальные ворота. Они строились

на протяжении всего XVIII в., и если в начале столетия ворота преимущественно возводились по случаю важнейших военных побед («победоносные врата»), то начиная со второй четверти XVIII в. они были посвящены коронационным празднествам. Триумфальное искусство отличало очень короткие сроки строительства и использование «непрочных материалов – дерево, ткань, поскольку, «будучи явлением временным, злободневным ... должно было незамедлительно реагировать на происходившие события» [13, с. 12]. Триумфальные ворота как разновидность «праздничной» архитектуры совмещали в себе как художественные, так и идеологические функции. Поскольку врата не предназначались для «служения постоянным нуждам», то, как точно подметила Е. А. Тюхменева, мастеру предоставлялась возможность «осуществить самые оригинальные проекты, главное – достичь великолепной зрелищности» [13, с. 113]. Для достижения эффекта «зрелищности» мастера украшали ворота живописными и скульптурными изображениями, военными эмблемами и трофеями. Важнейшей тенденцией эпохи является монументализация ритуала, то есть стремление заменить краткосрочные события прославления или почитания постоянными знаками. В этом качестве – «воплощения ритуалов» – О. Русинова [11] рассматривает возведение монумента Петру Великому в Петербурге в эпоху Екатерины II.

В морфологии художественной культуры XVIII в., наряду с классическим разделением искусства на виды и жанры, следует выделить произведения, создаваемые на века, и окказиональные формы художественного творчества. Окказиональное искусство представлено как произведениями отдельных видов искусства, так и синтетическими формами, важнейшей из которых был праздник. В создании подобных произведений участвовали крупнейшие мастера, а для реализации проектов привлекались огромные людские ресурсы и средства. При этом часто окказиональное искусство использовало эфемерные материалы, поскольку не было рассчитано на долговременное существование. Неотъемлемым компонентом окказиональности являлась его политическая актуальность, так как императорская власть активно использовала художественный язык в целях репрезентации и трансляции идеологических посланий.

Библиографический список

1. Бергхольц, Ф. В. Сожжение дворца [Текст] / Ф. В. Бергхольц // Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век / сост. П. Е. Мельгунова,

К. В. Сивков и Н. П. Сидоров. – Ч. 1. – М.: Задруга, 1914. – С. 140–141.

2. Державин, Г. Р. Сочинения [Текст]: в 9 т. Т. 1. Ч. 1: Описание Потемкинского праздника в Таврическом дворце / Г. Р. Державин; с объясн. примеч. Я. К. Грота. – СПб.: Изд. Имп. акад. наук: в тип. Имп. Акад. Наук, 1864–1883. – С. 375–419.

3. Евангулова, О. С. Изобразительное искусство в России первой четверти XVIII в.: Проблемы становления художественных принципов Нового времени [Текст] / О. С. Евангулова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 296 с.

4. Живов, В. М. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Третьяковский, Ломоносов, Сумароков [Текст] / В. М. Живов // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 25. – С. 24–83.

5. Каган, М. С. Художественная культура как система [Текст] / М. С. Каган // Вопросы социологии искусства: сборник научных трудов / отв. ред. В. В. Молчанов. – Л.: ГИТМК, 1980. – С. 240–260.

6. Лотман, Ю. М. Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX века [Текст] / Ю. М. Лотман. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 831 с.

7. Лыков, А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово) [Текст] / А. Г. Лыков. – М.: Высшая школа, 1976. – 119 с.

8. Никифорова, Л. В. Чертоги власти. Дворец в пространстве культуры [Текст] / Л. В. Никифорова. – СПб.: Искусство-СПБ, 2011. – 703 с.

9. Новый англо-русский словарь [Текст] / В. К. Мюллер, В. Л. Дашевская, В. А. Каплан и др. – 5-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1998. – 880 с.

10. Панченко, А. М. Русская культура в канун Петровских реформ [Текст] / А. М. Панченко // Из истории русской культуры. – Том 3. – М.: Школа: «Языки русской культуры», 1996. – 205 с.

11. Русинова, О. Е. Образец для подражания: Этьен-Морис Фальконе, скульптура и литература [Текст] / О. Е. Русинова. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. – 212 с.

12. Сиповская, Н. В. Фарфор в русской художественной культуре XVIII века [Текст]: автореф. дис.... д-ра иск. / Н. В. Сиповская. – М., 2010. – 54 с.

13. Тюхменева, Е. А. Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII века. Проблемы панегирического направления [Текст] / Е. А. Тюхменева – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 328 с.

14. Уортман, Р. С. Сценарий власти. Мифы и церемонии русской монархии [Текст] / Р. С. Уортман. – М.: ОГИ, 2002. – Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. – 608 с.

Bibliograficheski spisok

1. Berghol's, F. V. Sozhzhenie dvorca [Tekst] / F. V. Berghol's // Russkij byt po vospominanijam sovremennikov. XVIII vek / sost. P. E. Mel'gunova, K. V. Sivkov i N. P. Sidorov. – Ch. 1. – M.: Zadruga, 1914. – S. 140–141.

2. Derzhavin, G. R. Sochinenija [Tekst]: v 9 t. T. 1. Ch. 1: Opisanie Potemkinskogo prazdnika v Tavricheskom dvorce / G. R. Derzhavin; s ob#jasn. primech. Ja. K. Grot. – SPb.: Izd. Imp. akad. nauk: v tip. Imp. Akad. Nauk, 1864–1883. – S. 375–419.

3. Evangulova, O. S. Izobrazitel'noe iskusstvo v Rossii pervoj chetverti XVIII v.: Problemy stanovlenija hudozhestvennyh principov Novogo vremeni [Tekst] / O. S. Evangulova. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1987. – 296 S.

4. Zhivov, V. M. Pervye russkie literaturnye biografii kak social'noe javlenie: Trediakovskij, Lomonosov, Sumarokov [Tekst] / V. M. Zhivov // Novoe literaturnoe obozrenie. – 1997. – № 25. – S. 24–83.

5. Kagan, M. S. Hudozhestvennaja kul'tura kak sistema [Tekst] / M. S. Kagan // Voprosy sociologii iskusstva: sbornik nauchnyh trudov / отв. red. V. V. Molchanov. – L.: GITMK, 1980. – S. 240–260.

6. Lotman, Ju. M. Oчерki po istorii russkoj kul'tury XVIII – nachala XIX veka [Tekst] / Ju. M. Lotman. – M.: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1996. – 831 S.

7. Lykov, A. G. Sovremennaja russkaja leksikologija (russkoe okkazional'noe slovo) [Tekst] / A. G. Lykov. – M.: Vysshaja shkola, 1976. – 119 s.

8. Nikiforova, L. V. Chertogi vlasti. Dvorec v prostanstve kul'tury [Tekst] / L. V. Nikiforova. – SPb.: Iskusstvo-SPB, 2011. – 703 S.

9. Novyj anglo-russkij slovar' [Tekst] / V. K. Mjuller, V. L. Dashevskaja, V. A. Kaplan i dr. – 5-e izd., stereotip. – M.: Russkij jazyk, 1998. – 880 s.

10. Panchenko, A. M. Russkaja kul'tura v kanun Petrovskih reform [Tekst] / A. M. Panchenko // Iz istorii russkoj kul'tury. – Tom 3. – M.: Shkola: «Jazyki russkoj kul'tury», 1996. – 205 s.

11. Rusinova, O. E. Obrazec dlja podrazhanija: Jet'en-Moris Fal'kone, skulptura i literatura [Tekst] / O. E. Rusinova. – SPb.: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2012. – 212 S.

12. Sipovskaja, N. V. Farfor v russkoj hudozhestvennoj kul'ture XVIII veka [Tekst]: avtoref. dis.... d-ra isk. / N. V. Sipovskaja. – M., 2010. – 54 S.

13. Tjuhmeneva, E. A. Iskusstvo triumfal'nyh vrat v Rossii pervoj poloviny XVIII veka. Problemy panegiricheskogo napravlenija [Tekst] / E. A. Tjuhmeneva – M.: Progress-Tradicija, 2005. – 328 s.

14. Uortman, R. S. Scenarij vlasti. Mify i ceremonii russkoj monarhii [Tekst] / R. S. Uortman. – M.: OGI, 2002. – T. 1: Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaja I. – 608 s.